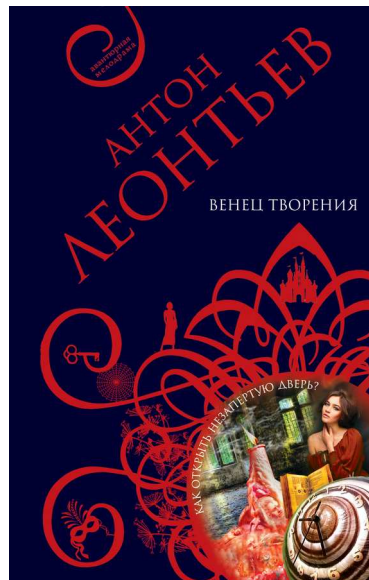

Антон Валерьевич Леонтьев

Венец творения

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7073780
Антон Леонтьев. Венец творения: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73134-3

Аннотация

Евгения знала: старинная загородная усадьба с необычным названием Мухина дача им с мужем не по карману, но испытывала странное чувство – они во что бы то ни стало должны поселиться именно здесь! Во время первого визита в усадьбу Женя спустилась в подвал, где обнаружила дверь без ручки и замочной скважины. Куда она ведет и что скрывает? А потом она заметила тень какого-то существа, то ли человека, то ли зверя... Эти загадочные происшествия отнюдь не напугали девушку – она поняла, что просто обязана раскрыть все секреты таинственного дома. И по невероятному стечению обстоятельств они с Артемом стали владельцами Мухиной дачи! Однако особняк пока не спешил раскрывать им свои тайны. До тех пор, пока Евгения не обнаружила в старом сейфе дневник своей тетки, жившей в доме сто лет назад...

Антон Леонтьев

Венец творения

Не мы владеем домами, это они владеют нами.
Милорад Павич

30 апреля 1914 года

Евгения знала, что они хотят убить ее. Ее саму – и ее неродившегося ребенка. Она опустила руки на свой большой живот под ночной рубашкой. Погладила его, раздумывая. Ей было страшно, очень страшно. Нет, не за себя, *а за своего малыша.*

Она приняла решение и откинула покрывало. Прислушалась, убеждаясь, что в коридоре не раздаются шаги. Затем осторожно опустила ноги на пол, нащупала тапочки и, осторожно перевалившись, поднялась.

Чадо, которое должно было появиться на свет со дня на день, заворочалось у нее в животе. Евгения снова погладила его и прошептала:

– Все будет хорошо, маленький, я тебе обещаю, что все будет хорошо!

Хотя сумеет ли она сдержать слово, она не знала. Уж слишком много страшных событий произошло в последнее время. Она против своей воли попала в кошмарную историю – и хуже всего, что, поведая она ее кому-нибудь, никто бы ей просто не поверил.

Прижав к животу руки, она двинулась к старинному креслу, стоявшему около кровати с балдахинном, на которой она почивала. С трудом наклонилась и взяла теплый халат, висевший на спинке.

Надеть его было нелегко, однако Евгения все же справилась. На это ей потребовалось несколько минут – все никак не могла попасть рукой в рукав. Сердце у нее учащенно билось, а малыш в животе вновь дал о себе знать, словно чувствуя, что им предстоит.

Да, им – *ему и ей!* Потому что не было никого, кто бы мог защитить их. И оказать им помощь...

Она подошла к стоявшему в глубине комнаты шкафу, больше походившему на гроб. Раскрыла его, содрогнувшись, когда несмазанная дверца пронзительно скрипнула. В шкафу находилась ее одежда. Все остальное *они* давно уже у нее конфисковали. *Все – кроме дневника!*

Главное – уйти, не оглядываясь, из этого ужасного места. А что будет потом... *Потом начнется новая жизнь* – если, конечно, она когда-либо сумеет забыть кошмар, в центре которого оказалась!

Но шкаф был пуст – *в нем ничего не было!* За исключением разве что нескольких сиротливо висящих вешалок.

Евгения почувствовала, как глаза наливаются слезами. Ну конечно, они предполагали подобное развитие событий и приняли меры.

Как в таком случае она сможет отправиться восвояси? Потому что был конец апреля, погода стояла еще прохладная. И дело было не в ней самой, *а в ее малыше.* Она не могла допустить, чтобы побег негативно сказался на его здоровье!

В коридоре раздались отдаленные шаги. За последние недели слух Евгении крайне обострился, потому что опасность грозила ей буквально отовсюду. Женщина быстро вернулась к кровати.

Она слышала, как кто-то вставлял ключ в замочную скважину, как тот с шумом поворачивался, как дверь, скрипнув, отворилась в сторону.

– Добрый вечер, Женечка! – донесся до нее знакомый, ввергавший в трепет голос. – Вы ведь еще не спите?

В последний момент Евгении удалось нырнуть в кровать и натянуть на себя одеяло, скрывавшее, что она была облачена в халат.

– Вы меня разбудили! – произнесла она недовольным тоном, широко зевая.

Незваная гостья усмехнулась, подошла к кровати и поставила на тумбочку поднос.

– Приношу свои извинения, Женечка! Однако вы сегодня так плохо ужинали, что вам непременно надо выпить этот полезный напиток перед тем, как вы погрузитесь в сон!

Евгения увидела в руке тюремщицы бокал.

– Премного благодарна, однако мне ничего не хочется! – заявила она, поворачиваясь на бок.

Гостья прошла по комнате, а потом до Евгении донесся недовольный голос:

– Женечка, вы заглядывали в шкаф? Но зачем?

Скрипнула дверца шкафа: гостья прикрыла ее.

– Что вы сделали с моими вещами? – спросила Евгения. – Почему они вдруг исчезли? Ведь до ужина они еще были там...

Она прикусила язык. Тюремщица рассмеялась и произнесла:

– О, вы, Женечка, проверяете свои вещи до и после ужина? Разрешите осведомиться – почему? Чем они вам так дороги? Или вы... Или вы решили покинуть это уютное гнездышко?

Евгения ничего не отвечала. Она понимала, что эта особа доложит обо всем *другим*. И *они* примут меры – какие именно, ей даже и думать не хотелось. Но это будет означать, что она уже не сможет бежать отсюда. С Мухиной дачи. Из Анчуткино. От этих людей. *Вернее, нелюдей!*

– Молчите? Не буду стращать вас, Женечка, однако лучше бы вы сказали мне правду. Потому что правда всегда помогает, не так ли? А теперь выпейте это!

Особа приблизилась к ней, поднося бокал. Евгения замотала головой и повернулась на другой бок.

– Какая вы, Женечка, однако, капризная! Это полезно не столько вам, сколько вашему чаду! Ну, давайте же!

Гостья потянула одеяло на себя, то сползло в сторону.

– Женечка, вы в халате? И даже в тапочках? Интересно, очень интересно! Что это вы задумали?

Мысли в голове Евгении хаотически заметались.

– Мне холодно... У меня озноб... Вот я и решила одеться... И хотелось натянуть на себя что-нибудь из шкафа, но вы все забрали... – прошептала она.

Гостья встревоженно произнесла:

– Озноб? Не хватало еще, чтобы вы простудились! Да, за ужином вид у вас было далеко не самый лучший! Дайте-ка я ваш лоб пощупаю!

Прохладная рука легла ей на лоб, Евгения закрыла глаза. *Сейчас или никогда!*

Она изо всех сил толкнула тюремщицу, которая, не ожидая нападения, тихо вскрикнув, навзничь повалилась на пол. Евгения быстро слезла с кровати и увидела растекавшуюся по паркету *лужу крови* – охранявшая ее особа ударилась головой о мраморный выступ в стене. Евгения шумно вздохнула – видит Бог, *она этого не хотела*. Женя осторожно попыталась нащупать пульс, но сердце Луизы Артамоновны – так звали тюремщицу, – похоже, не билось. А лужа крови, вытекавшая из разбитой головы, увеличивалась с каждым мгновением.

Помочь ей или уйти? Евгения колебалась. В конце концов, это ведь тоже был человек!

Тут она заметила связку ключей, выглядывавшую из кармана накидки Луизы. Это была связка ключей от всего дома. *В том числе и от входной двери!*

Евгения осторожно потащила ее на себя, чувствуя, что медлить нельзя. Но связка вдруг за что-то зацепилась. Пришлось склониться над мертвой тюремщицей. Связка ключей была привязана к внутренней стороне кармана – видимо, чтобы случайно не вывалилась. *Или чтобы никто ее не украл!*

Дрожащими пальцами Евгения стала теревить веревку, однако та не поддавалась. Она оглянулась в поисках чего-то острого. Но никаких ножей, ножниц или хотя бы пилочек для ногтей в ее комнате не было.

Ее взгляд упал на сиротливо стоявший на тумбочке бокал. Евгения подошла к нему, выплеснула содержимое, а затем, зажмурившись, швырнула бокал, целясь в массивную ножку кровати.

Раздался звон, который, вероятно, был слышен и в коридоре. Поэтому времени на долгие сборы у нее не было.

Бокал разлетелся вдребезги, и именно это и требовалось. Выбрав осколок побольше, с острыми краями, Евгения схватила его и снова склонилась над надзирательницей. Лужа крови тем временем начала загустевать.

Женщина перерезала при помощи осколка веревку, удерживавшую связку ключей, и та, наконец, оказалась в ее руке. Евгения возликовала, поднялась, прислушиваясь и убеждаясь, что шагов в коридоре слышно не было.

Она двинулась к выходу, но в этот момент почувствовала у себя на лодыжке чьи-то пальцы. Евгения вскрикнула и заметила, что Луиза Артамоновна, до этого лежавшая недвижимо, вдруг впилась ей в ногу.

– Ты никуда не уйдешь! – прошипела она и дернулась.

Евгения оцепенела – как мог человек с *такой* кровопотерей шевелиться и что-то говорить? Нет, это было невозможно, *решительно невозможно...*

Но здесь, в этом доме, как пришлось ей убедиться на собственном опыте, даже невозможное становилось возможным. *И даже самые дурные кошмары могли вдруг стать реальностью.*

– Ты никуда не уйдешь! – проскрипела тюремщица, а Евгения тряхнула ногой. Однако пальцы надежно держали ее лодыжку, а в кожу впивались острые ногти, *похожие больше на звериные когти.*

Луиза, лежавшая в луже собственной крови, вдруг судорожно пошевелилась. А потом стала, подергиваясь, приподниматься. Лицо у нее было белое-пребелое, как у мертвеца, из раны на виске все еще сочилась черная кровь. Один глаз был закрыт, другой полуоткрыт.

– Ты останешься здесь! – прохрипела она, и Евгения, собрав всю силу воли, ударила ту ногой в грудь.

Хрипя, тюремщица повалилась обратно в лужу собственной крови, держа в руках тапочку Жени. Луиза снова замерла, однако Евгения не рискнула приближаться к ней и попытаться извлечь из скрюченных пальцев свою обувь.

Она посмотрела на шкаф. Подумала о тайнике, в котором осталось то, что было ей так дорого: ее дневник. Ну ничего, *даже тюремщики не подозревают о существовании этого тайника.* И ведь она вернется сюда – когда все закончится! И заберет то, что принадлежит ей по праву. *Заберет, чтобы уйти и никогда более не возвращаться в это проклятое место!*

Поэтому она быстро подошла к двери и распахнула ее. Затем быстро покинула комнату и оказалась в неосвещенном коридоре. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к темноте. Она нащупала ключ, торчавший в замке, и повернула его дважды. А затем вынула и опустила в карман халата.

Так-то лучше. Луиза, даже если снова придет в себя, не сможет выбраться и оповестить своих сообщников о том, *что птичка упорхнула из клетки.*

Евгения двинулась вперед. Хорошо, что ей было известно расположение комнат в доме, и она знала, куда идти.

Однако – и в этом она убеждалась неоднократно и раньше, когда все еще было в порядке, – ночью дом вдруг преображался. Нет, *он изменялся*. И то, что при свете дня или искусственного освещения было таким безобидным и знакомым, в ночи вдруг приобретало угрожающие очертания.

И не только это. Мухина дача, казалось, жила особой, *своей* жизнью. И была участником всего того, что с ней произошло...

Евгения с большим трудом заставила себя думать о чем-то ином. Страх, который на время борьбы с тюремщицей отпустил ее, вернулся снова. Очень хотелось включить лампу, однако беглянка знала, что делать этого нельзя, ибо тогда они поймут, что она пытается бежать.

Миновав анфиладу комнат, она оказалась в холле. Евгения взглянула на уводившую ввысь лестницу. И вдруг ей показалось, что на верхней ступеньке кто-то замер. Она сама застыла, но, присмотревшись, убедилась, что это была игра воображения.

Она двинулась к входной двери – и в этот момент половица под ее ногами скрипнула. Причем раньше она никогда не скрипела! И был это даже не скрип – *а своего рода сигнал*. Мол, задержите ее, она пытается удрать!

Евгения вставила первый попавшийся ключ в замочную скважину – точнее, попыталась сделать это. Он, конечно же, не вошел. Пришлось перебирать все те, что висели на железном кольце. Минуты мелькали одна за другой, напряжение нарастало. И с каждым мгновением увеличивались шансы, что ее обнаружат.

Наконец, последний ключ – вот ведь закон подлости! – с тонким скрипом вошел в замочную скважину. Евгения, чувствуя, что напряжение спадает, повернула его. Первый оборот... Второй... *И третий...*

Однако ключ отчего-то вдруг не пожелал двигаться дальше. Замок заклинило – и как Евгения ни пыталась, она была решительно не в состоянии повернуть ключ в третий раз и тем самым разблокировать замок.

Она вынула ключ, попыталась снова. Ничего не вышло. Судьба была явно не на ее стороне. Да, замок был старый, время от времени заедал, но почему это должно было случиться именно сейчас?

Или... Или это не была случайность? А она сделала так, чтобы пленница не смогла выбраться наружу? *Она – Мухина дача?*

Чувствуя, что к горлу подкатывает нервный комок, Евгения велела себе успокоиться. Как бы то ни было, она выбралась из своей тюремной клетки, и пока что никто этого не заметил. Значит, пока ситуацией управляла она сама.

Если она не могла уйти через центральный вход, то имелась еще возможность выбраться через кухню... Но там, вне всякого сомнения, сейчас находились те, кто ее охранял. Она осторожно выглянула из холла в коридор, который вел в направлении кухни. Так и есть, там, за поворотом, мерцал призрачный свет и слышались голоса.

Имелся еще и подвал, но при мысли о нем Евгению передернуло. Нет, в подвал она после всего того, что произошло там, спускаться не будет, и особенно – ночью!

Значит, оставалась только одна возможность: терраса. *И как она могла забыть о ней!*

Журя себя за непродуманные действия и за то, что с самого начала не попыталась уйти именно так, Евгения вернулась в коридор, затем миновала столовую, перешла оттуда в библиотеку и оказалась, наконец, в музыкальном салоне.

Махина рояля походила в темноте на кровожадного, изготовившегося к прыжку монстра. Евгения прошла мимо и оказалась около скрывавшего выход на террасу занавеса. Она отдернула его – и была ослеплена вспышкой света.

Сначала она подумала, что кто-то направил ей в лицо фонарик, а потом поняла, что это отблеск мелькнувшей в ночном небе молнии. В подтверждение ее мыслей донесся глухой раскат грома.

На улице бушевала гроза! Это, конечно, не облегчало ее побег, но делать было нечего. Она не могла оставаться здесь ни минуты!

Она снова вставила первый попавшийся ключ в замочную скважину двери террасы – и, надо же, тот подошел. С гулко бьющимся сердцем Евгения повернула один раз, потом второй, наконец, третий...

И, конечно же, на третий раз ключ заело. Рассердившись, Евгения ударила рукой по двери, в стеклянных квадратах которой причудливо отражались зигзаги бороздивших небо молний, и дверь вдруг, совсем по-человечески кашлянув, поддалась.

Ключ, хоть и с трудом, сделал третий поворот. Евгения, не веря в это, потянула дверцу на себя. И та, внезапно ожив, вырвалась у нее из рук – и резкий порыв холодного, перемешанного с каплями дождя, ветра ворвался в музыкальный салон.

Занавес вздулся, превратившись в парус. А декоративные белые занавески заколыхались, превращаясь в некие подобия привидений. Однако страх, до этого терзавший сердце Евгении, вдруг куда-то испарился.

Потому что перед ней лежал путь на свободу. *И уже ничто не могло помешать ей.*

В этот момент новый, очень сильный порыв ветра ворвался в дом – занавеска ударила ей в лицо, а потом, топорщась, задела что-то, кажется, вазу льезжского фарфора, стоявшую на этажерке.

И та полетела на пол, разлетевшись на кусочки с невероятным, апокалиптическим треском. А вслед за ней повалилась и этажерка, падение которой тоже произвело немало шума. Наконец, одна из картин в тяжелой золоченой раме качнулась, словно о чем-то раздумывая, а потом ухнула вниз – причем так неудачно, что приземлилась на хребет рояля, а оттуда соскользнула на неприкрытые клавиши.

По музыкальному салону – нет, *наверняка по всему дому!* – разнесся какофонический вздох, немыслимое, терзающее слух сочетание несочетаемых аккордов и музыкальных интервалов. Ни одна сигнализация не могла бы сработать эффективнее.

Только мертвые не могли бы услышать этот грандиозный шум – впрочем, даже и они пробудились бы к жизни и ринулись посмотреть, что же такое случилось. А звуки рояля не оставляли сомнений в том, где именно случилось что-то непредвиденное – *в музыкальном салоне!*

До Евгении донеслись топот и возбужденные голоса. И она знала, что вот-вот в музыкальный салон ворвутся люди, которые... *Которые не желают ей ничего хорошего!*

Но она не растерялась, а, наоборот, обрела присутствие духа. И первым делом закрыла две двери, которые вели с разных концов дома в музыкальный салон. А затем обернулась к раздувавшейся занавеске.

Та, впрочем, вдруг приняла странные очертания, создавая иллюзию того, что за ней кто-то притаился. Не то человек, не то зверь. Или, кто знает, *и то и другое в одной ипостаси?!* Но страх как исчез, так и не возвращался. Да, после долгих месяцев в этом доме ничто уже не могло удивить Евгению – и ничто не могло напугать ее! Она подумала о подвале и о том, с чем ей пришлось столкнуться в нем. А также о том ужасном сборище в подzemелье...

Ну, или практически ничто!

Она резко отдернула занавес и убедилась, что за ним никого не было. *Никого и ничего.* Как и все остальное, эта угроза оказалась иллюзией.

Все страхи – иллюзия?

Она шагнула к распахнутой двери террасы – и вдруг та со всего размаху захлопнулась прямо у нее перед носом. Причем так, как будто ее толкнул кто-то разъяренный и явно не согласный с планом ее побега!

А тем временем преследователи уже ломились в одну из дверей музыкального салона.

– Дверь закрыта! С обратной стороны! Попробуйте тогда другую! Ну, живее! И вообще, проверьте, что с пленницей!

Пленница... Они имели в виду ее саму. А ведь все началось так идиллически... Но даже в этой идиллии с самого начала таилось что-то непонятное и тревожное. Она просто не хотела этого замечать... Не хотела этому верить...

Евгения попыталась распахнуть дверь, но ту заклинило намертво. Она видела перекошенную раму и треснувшие квадратики стекол. Как она ни пыталась, открыть дверь не получалось. Во всяком случае, ее силами и в ее интересном положении.

Она навалилась на дверь – и в этот момент ощутила легкий удар. *Это был ребенок!* Он подал ей сигнал изнутри живота!

Евгения опустила руки на живот и погладила его. Еще бы, малыш наверняка перепугался. И просит ее, чтобы она прекратила. Однако она не может прекратить, потому что иначе все вернется на круги своя. А именно этого она и хотела избежать.

– Миленький мой, все будет в порядке! Потерпи, пожалуйста, немного! – заявила она, глядя живот. – Все будет хорошо, я тебе обещаю. Но нам нужно сейчас отсюда уйти, нужно, понимаешь?

Малыш вдруг волшебным образом успокоился, но вместо этого возобновились удары в двери, что вели в музыкальный салон, – причем что в одну, что в другую. Евгения поняла, что попала в западню и окружена с обеих сторон. Уйти она могла только через террасу – и то только до той поры, пока они не догадаются послать кого-то через сад в обход, чтобы он блокировал и этот выход!

А они ведь наверняка уже кого-то послали!

Значит, времени не было. Она снова подошла к заклинившей, перекосившейся двери террасы. Обвела взглядом музыкальный салон, заполненный эхом диких криков и ударов, сыпавшихся на двери. Ее взгляд остановился на рояле, под которым лежала упавшая картина.

– Ты ведь выпустишь нас, не так ли? – произнесла она тихо. – Потому что я всегда любила тебя – это была любовь с первого взгляда! И все еще люблю тебя! Однако настало время уйти отсюда! Но я обещаю, что вернусь! Когда все закончится... *Если все закончится...*

Она знала, что все это звучит смешно и, более того, не вполне нормально. *Однако что могло быть нормальным в этом доме после всего, что произошло с ней?*

– Прошу тебя! Потому что речь идет не только обо мне. Но и о нем!

Евгения положила руку на живот. В этот момент дверь террасы вдруг скрипнула, а несколько стеклянных квадратиков упали к ее ногам, разлетаясь на мириады осколков. Наверняка новый порыв ветра, не более того... *Или...*

Или Мухина дача услышала ее?

На размышления времени не было. Евгения просунула руку сквозь образовавшееся отверстие, ухватила ручку с обратной стороны и толкнула дверь от себя. Но та прочно сидела в проеме, отомкнуть ее не было ни единого шанса.

Вдруг дверь словно сама собой открылась – отлетела в сторону, и все тут. Евгению с головы до ног обдало брызгами дождя. А дверь, несмотря на сильные порывы ветра, который уже переходил в бурю, словно приглашала ее выйти прочь.

Евгения выбежала на террасу, успев заметить, что двери в музыкальный салон трещали под натиском преследователей. В тот момент, когда одна из них поддалась, дверь террасы снова с силой захлопнулась. Да причем так, что открыть ее в этот раз никто бы явно не смог.

Холод немедленно пронзил тело Евгении. Еще бы, ведь на ногах у нее была только одна тапочка! Поэтому она сбросила ее, ступив ногами на покрытый водной пленкой мрамор. А затем подошла к лестнице, что вела вниз, в сад.

Сбоку, со стороны центрального входа, она заметила несколько метавшихся во тьме светящихся точек. Это были ее преследователи с фонарями. Она ведь быстро ходить не могла – они догонят ее! *Так как же теперь уйти от них?*

В этот момент один из зигзагов молнии ударил в высоченную сосну, стоявшую неподалеку. Раздался оглушительный треск, – и сосна вдруг стала валиться набок. А потом грохнулась на землю, полностью перегородив преследователям доступ со стороны центрального входа.

Сосна была такой громадной, что ее верхушка задела крышу дома и, кажется, даже повредила ее. При падении дерево зацепило преследователей, потому что раздалось нечеловеческие вопли, сопровождаемые ругательствами. А вслед за ними сосна вспыхнула пламенем – то ли от удара молнии, то ли от фонарей, которые держали в руках преследователи.

Евгения спустилась по лестнице, ее ноги погрузились в траву – мокрую и холодную, но такую приятную. Женщина обернулась, заметив, что занавеска музыкального салона колыхалась теперь со стороны сада, раздуваясь, как гигантский платок, которым бы махал великан, провожая ее в далекий путь.

Женщина взглянула на темную громаду дома. Здесь она провела последние месяцы – месяцы, ставшие самыми невероятными, самыми счастливыми, а потом и самыми ужасными в ее жизни.

И центром всего этого было он – *дом*. Старинный, таинственный дом, который, казалось, жил отдельной жизнью. Такой красивый и притягательный. И одновременно хранивший столько тайн и секретов...

Теперь же Мухина дача страдала, словно была живым существом, потому что горящая сосна повредила ее крышу. А что, если огонь перекинется на постройки?

Евгения отвернулась, понимая, что времени для сантиментов нет. Она не могла более задерживаться, ей надлежало идти вперед. *Потому что только так она могла спасти себя и своего ребенка.*

– Пожар! Пожар! – завопил кто-то истошно. – Сосна горит! А вместе с ней и крыша! Надо тушить, надо тушить!

Она двинулась вперед, понимая, что у преследователей появились гораздо более насущные проблемы, чем исчезновение пленницы. И почему они вообще держали ее в доме, как в тюрьме?

Ответ находился в ней самой – в ее чреве. Конечно же, ее ребенок! Они хотели забрать его. Евгения даже и думать не хотела о том, что эти люди намеревались учинить с ним. *И с ней самой.*

Хотя она знала, что их ждало – *смерть*. Те, кто охотился за ними, не ведали пощады и были готовы пойти на любое преступление. Ее преследователи были лишены всего человеческого, можно было даже задаться вопросом: *а люди ли они вообще?*

Но это был вопрос, который в данный момент занимал Евгению меньше всего. Ее ноги утопали в воде, вода лилась с неба, освещенного сиренево-фиолетовыми прожилками молний. Наконец, она пересекла лужайку и оказалась в рощице – теперь разглядеть ее среди деревьев было очень сложно.

Она осмотрелась по сторонам, зябко поводя плечами. И куда теперь идти? Ну конечно же, в городок! *Хотя...* Хотя, вероятно, ей требовалось двигаться напрямик в Москву. Потому

что только там она могла чувствовать себя в относительной безопасности. Только там она могла обратиться к представителям власти, не опасаясь того, что они – заодно с ее преследователями.

Однако стоило ли вообще рассказывать хоть кому-то о том, что с ней случилось? Потому что она не могла ничего доказать, и история звучала более чем неправдоподобно. Даже если она и попадет в руки честных сыщиков, то они элементарно ей не поверят. А что хуже всего, сочтут ее или патологической лгуньей, или типичной сумасшедшей, страдающей манией преследования.

Однако ведь имелись ее записи! Евгения подумала о тайнике, в котором они хранились. Оставалось надеяться, что тюремщики до него не доберутся. И что дом не сгорит дотла, уничтожив свидетельства тех страшных событий.

Но даже если они и сохранятся – что они доказывают? Любой следователь и тем более врач-психиатр могут счесть их плодом ее разбушевавшегося воображения. Ведь тот факт, что события – *реальные, а не мнимые!* – изложены на бумаге, не делает их в глазах скептических читателей подлинными. Любой и каждый сможет заявить, что все, что написано, выдумка.

Но ее заточение в доме не было выдумкой! И череда странных и зловещих событий тоже не была таковой. В конце концов, *все эти смерти* тоже не были плодом ее воображения!

Только что это доказывает? Евгения знала, что те, кто вел за ней охоту, крайне изворотливы и хитры. И держат все в своих руках. Они приложат максимум усилий, чтобы ей никто не поверил. И захотят во что бы то ни стало заполучить обратно ее – точнее, ее ребенка!

А именно этого она и не желала допустить. Евгения взглянула на пылавшую оранжевым крышу дома. Несмотря на то что ливень уже давно перешел в бурю, огонь не стихал. Словно стихии поставили перед собой задачу – стереть с лица земли Мухину дачу и все, что с ней связано.

А также все, что ее населяло...

Евгения почувствовала, как из глаз у нее заструились слезы. Да, ей было жаль Мухину дачу – как было бы жаль хорошего знакомого или друга. Но, вероятно, случившееся было к лучшему. Потому что все, что произошло с ней – а также со всеми другими, – было, как она поняла, связано с домом. Нет, конечно же, она не считала, что Мухина дача – живое существо. Потому что это было бы верхом глупости. Дом был домом – из камня, мрамора, кирпича, стекла и дерева.

Но тем не менее Мухина дача была эпицентром всех этих событий. Она дала толчок их развитию. И она манила этих странных людей, которые вели на нее охоту. Так же как капкан, установленный охотником, не виноват в страданиях и гибели попавшегося в него животного, так и дом не был причастен к ее судьбе. А также к судьбе тех, кто погиб в нем до нее. И, если не положить этой вакханалии конец, *погибнет и после!*

Для этого, однако ж, Мухина дача сама должна была исчезнуть с лица земли. И это, судя по всему, сейчас и происходило. Но почему было так больно, почему ей не хотелось уходить отсюда?

Евгения знала, что иного выхода у нее не было. В этот момент вдруг раздался оглушительный, уже знакомый ей треск – и еще одна сосна, пораженная молнией, полетела вниз. И при этом так удачно, что сбила с крыши первую горящую сосну. Ливень же делал свое дело – и огонь на крыше начал затухать.

Значит, не суждено дому было сгореть. Как будто... Как будто силы природы сговорились и приняли решение не стирать Мухину дачу с лица земли.

А вместе с тем и тех, кто живет в доме.

Силы природы... Или иные силы? Но как разумный, рационально мыслящий человек, Евгения не верила ни во что иное. И уж точно – в бабушкины сказки или макабрические страшилки.

Дело было не в них – а в той самой сути, к которой она сумела приблизиться, но так и не смогла разгадать. Дом – этот самый дом – был началом и концом, альфой и омегой, входом и выходом... И если рассуждать логически...

Но в эту ночь ей было не до логики. Потому что она внезапно осознала, что за ночь это была. *Последняя ночь апреля.*

Она вспомнила все то, что слышала об этом. Разрозненные факты в ее голове вдруг соединились, и Евгения поняла то, что не могла понять все это время.

Что ж, это было вполне допустимым объяснением всего того, чему она стала свидетельницей. Но это не умаляло опасности, которая нависла над ней. А, скорее, даже увеличивало ее.

Ей требовалось быть осторожной, *крайне осторожной...*

Евгения зашагала прочь, кутаясь в насквозь промокший халат. Тут, под защитой крон деревьев, ливень был не таким сильным. Однако она понимала, что не могла прятаться здесь все время. Рано или поздно рассветет – и тогда преследователи, занятые сейчас тушением пожара, найдут ее.

Да, ей требовалось покинуть территорию усадьбы. Причем чем быстрее, тем лучше. И пусть даже на своих двоих – но ей надо спастись. Точнее, спасти – *не столько себя, сколько своего ребенка.*

Малыш вдруг снова дал о себе знать, и Евгения попыталась мысленно успокоить его. Она не ведала, сколько времени понадобилось для этого, однако когда чадо вдруг замерло, ее тело пронзила тупая боль.

Евгения заставила себя идти вперед – дороги назад не было. Да и ключи, в том числе и от тайника с дневником, она потеряла где-то в саду. Женя боялась самого страшного, что могло приключиться в эту никак не желавшую завершаться ночь, последнюю ночь апреля.

Поэтому, преодолевая боль, усиливавшуюся с каждым мгновением, она шла вперед, цепляясь за стволы деревьев, хватаясь за колючие ветки кустарника. Перед глазами у нее плыли красно-черные круги, в ушах звенело.

Наконец, она вышла на проселочную дорогу – и в отсветах молний заметила старое кладбище, располагавшееся по другую сторону. Оно всегда внушало ей трепет, от него исходило что-то... Некая отрицательная аура, как сказали бы люди, разбиравшиеся в тонких материях. А рационалисты бы отметили, что его давно пора сровнять с землей.

В этот момент на нее накатил новый приступ боли, и Евгения, не в силах больше выносить ее, повалилась в грязь. Она даже потеряла сознание, а когда пришла в себя, то увидела, что в глаза ей бьет нестерпимо яркий свет.

Они нашли ее!

– Господи, с вами все в порядке? – донесся до нее испуганный голос. Она поняла, что на дороге стоит тарахтящий автомобиль, а около него подтянутый военный.

Евгения попыталась что-то вымолвить, но не смогла, из горла вырывалось только клочкотание. Из недр автомобиля появилась дама в большой шляпе.

– Ах, бедняжка! – произнесла она и, невзирая на грязь и дождь, опустилась с подножки автомобиля на дорогу. – Только почему она в халате и босиком? Господи, она на сносях!

Дама склонилась над ней, а потом всплеснула руками:

– Серж, сдастся мне, что нам надо срочно ехать в больницу! Ибо несчастная не просто на сносях, она вот-вот родит!

– Машенька, ты уверена? – спросил нервно военный, и в этот момент раздался сигнал клаксона. На обочине затормозил еще один автомобиль.

– Женечка, вот ты где! – раздался знакомый голос. Евгения дернулась, пытаясь подняться, но из этого ничего не вышло.

Преследователи приблизились к ней – щерясь, держа в руках фонари.

– Премного вам благодарны, но мы теперь сами разберемся! – заявил один из тюремщиков. – Мы сейчас заберем ее домой!

Военный облегченно вздохнул, а дама упрямо заявила:

– Кто вы такие, господа? Отчего бедняжка, завидев вас, дрожит как осиновый лист? Сдается мне, что она не хочет с вами идти!

Военный потянул даму за рукав, пытаясь урезонить, а один из преследователей вздохнул:

– Милостивая государыня, эта несчастная – моя супруга. Как вы видите, она в положении. И беременность усилила, гм, психическую болезнь, и без того затмевавшую ее разум. Сегодня ночью, напуганная грозой, она решила вдруг убежать прочь. Мы с ног сбились, пытаюсь ее отыскать!

Военный, явно удовлетворенный этим объяснением, тотчас вызвался помочь донести Евгению в автомобиль преследователей. Евгения, как могла, пыталась дать понять, что делать этого ни в коем случае не надо, но была слишком слаба и оглушена болью, дабы сопротивляться.

Однако дама в большой шляпе правильно интерпретировала ее мычание.

– Если это так, то несчастную нужно доставить в больницу! Ибо она вот-вот родит! А что, если ночной вояж оказал негативное воздействие на нее и ребенка?

– Уверяю вас, беспокоиться не стоит! – заявил раздраженно один из преследователей, помогая уложить Евгению на заднее сиденье автомобиля. – У нас имеются свои собственные врач и повитуха...

В этот момент у него чего-то выскользнуло и полетело в грязь. Он суетливо поднял предмет: *это был странной формы блестящий нож с витиеватой ручкой, покрытой странными знаками.*

Военный хмыкнул, а преследователь пояснил:

– Сабля... Турецкая, старинная... Схватил дома первое, что попало под руку, прежде чем на поиски жены отправиться...

Женя знала: они врут! Никакая это не сабля, а предмет их страшного ритуала! Того самого, которому она стала тогда свидетельницей...

Знала – но сказать была не в состоянии...

Дама в шляпе вдруг воскликнула, указывая на его напарника:

– Так несчастная на сносках вроде бы его жена, он только что это утверждал!

Тип стушевался и пробормотал:

– Да, да, его жены, хотел я сказать... И моей сестры...

– Она ваша сестра? Вы совершенно непохожи! – настаивала дама в шляпе.

– Машенька, ну не стоит ставить господ в неловкое положение... – начал военный, но дама воскликнула:

– Серж, куда мы их не отпустим! Приказываю тебе их задержать! Они крайне подозрительные типы! И явно желают похитить несчастную!

Преследователи переглянулись, Серж замаялся, пытаясь успокоить Машеньку. Но та, топнув ножкой, заявила:

– Я приказываю тебе!

Один из типов ухмыльнулся и не без издевки осведомился:

– Неужели вы, ваше благородие, позволяете женщине командовать собой?

Военный набычился, а потом резко заявил:

– Мария, оставим господ в покое! Разве не видно, что они пытаются урезонить несчастную умалишенную?

И, взяв даму за руку, поволок ее обратно к своему автомобилю. Евгения, наблюдавшая за происходящим с заднего сиденья автомобиля похитителей, предприняла попытку что-то сказать, однако силы катастрофически быстро покидали ее.

Один из типов, захлопнув дверцу, с ухмылкой произнес:

– Ну что же, милая моя, устроила ты беготню! Однако, как сама видишь, это ни к чему не привело. И поспешу тебя успокоить – пожар уже потушили, крышу, конечно, придется новую класть, однако это второстепенно.

Его дружок, садясь за руль, сказал:

– А теперь поедem обратно! Точнее, конечно, уже не в дом, а сюда, на кладбище! Потому что церемония состоится прямо сейчас! Наши братья и сестры уже начали мессу. И все ждут тебя! И твоего малыша!

Евгения силилась что-то сказать, а тип, усевшийся на сиденье рядом с ней, потрепал ее по щеке и заявил:

– Ведь сегодня знаменательный день! Такой нечасто бывает! Раз в пятьдесят лет! И ты вот-вот родишь! Твой ребенок нам нужен!

– А вот ты – нет! – прогоготал сидевший за рулем, заводя мотор. – Поэтому твой малыш будет жить, а тебе придется умереть! Ну ничего, больно не будет. Ну, или почти...

В этот момент раздался выстрел. Автомобиль вдруг замер. Дверь распахнулась, и дама в большой шляпе ринулась к Евгении. Около нее, с дымящимся револьвером в руке, стоял военный.

– Мы все слышали! – отчеканил он сурово. – Мы решили вернуться и помочь вам – и услышали ваши ужасные речи!

Типы переглянулись, один из них в нерешительности произнес:

– Нет, вы все не так поняли... Мы вели речь о бредовых фантазиях, которые преследуют мою дорогую жену...

– Так она же ведь вам сестра? – заявила холодно дама, кладя руку на лоб Евгении. – Видишь, Серж, эти типы явные бандиты. Они даже не знают, кем именно приходится им несчастная – сестрой или женой! А в действительности – ни той, ни другой!

– Выходим по одному из автомобиля! – приказал военный, державший типов на мушке. – Руки за голову. И не советую вам совершать резких движений – стреляю я отлично!

Типы, уже не стараясь убедить его в своей невинности, выбрались из авто. Дама воскликнула:

– Серж, несчастную надо срочно в больницу! Похоже, что у нее родовая горячка. Только вот как перенести ее к нам в автомобиль...

Она задумалась, а потом воскликнула:

– Ну конечно же, мы не будем переносить ее в наш, а поедem на этом! А наш оставим здесь! Даже если они его и угонят, то мы будем знать, на каком авто они передвигаются!

– Гениальная идея! – воскликнул военный, а Евгения, перед глазами которой все двинулось, вдруг заметила, что типы, которых Серж держал на мушке, мерзко ухмыляются. Они явно что-то задумали...

Евгения попыталась дать сигнал даме, но та упорно ничего не понимала.

– Что вы сказали, милочка моя? Ах, вы так слабы, лучше экономьте силы. Серж, ну что, садись за баранку! Серж, почему ты тянешь! Серж!

Она обернулась – и увидела ужасную картину: военный лежал в грязи лицом вниз. А около него, подле странной формы дуба, у которого было две кроны, стояла миловидная девица, одна из служанок на Мухиной дачи, сжимавшая в руке окровавленный кривой кинжал с рукояткой, покрытой странными письменами.

Дама пронзительно закричала, бросилась к Сержу, но тут ее схватил один из типов. Евгения увидела, как миловидная служанка взмахнула кинжалом, которым она до этого пырнула Сержу, а потом перед ее глазами все вдруг сделалось черным.

В себя Евгения пришла от холода. Она с большим трудом приподняла голову и увидела, что находится то ли в подвале, то ли в пещере. И только приглядевшись, осознала, что это был кладбищенский склеп.

Конечно, она ведь уже была здесь! Тогда...

Склеп был освещен факелами, прикрепленными к каменным стенам. А сама она находилась на некоем подобии алтаря. Евгения дернулась – и поняла, что ее руки и ноги прикованы тонкими, но чрезвычайно прочными металлическими цепочками к вмонтированным в каменную глыбу железным кольцам. Женщина увидела, что была совершенно нага.

В склепе она была не одна – он, *как и тогда*, был заполнен фигурами, облаченными в белые балахоны с капюшонами. Лиц тех, кто собрался на эту темную мессу, видно не было.

Но она и так знала, кто эти люди. *Вернее, нелюди.*

Около нее возникла фигура в черном балахоне – она властно подняла руку, а потом стала скороговоркой что-то бормотать.

Женя, увы, отлично знала, кто был предводителем этих убийц! *Но отдала бы все, чтобы не знать...*

Это была латынь. До нее долетал смысл отдельных словосочетаний: речь шла о том, чтобы преподнести кому-то дар.

Наконец около Евгении появилась невысокая плотная дама, лицо которой она, в отличие от других, могла видеть. Она знала ее – это была акушерка Евдокия Романовна. Она несколько раз навещала Евгению и с первого же посещения произвела на нее крайне неприятное впечатление.

Тем временем собравшиеся затянули странную песнь, с каждым куплетом бормоча латинские слова все быстрее и быстрее. Акушерка приблизилась к Евгении, ее ледяная рука прикоснулась к ее огромному животу.

– Пощадите моего ребенка! – закричала Евгения, понимая, что жалости от этих людей в балахонах ожидать не приходится.

Евдокия Романовна усмехнулась и сказала:

– О, о ребенке, милочка, можете не беспокоиться. На вашем месте я бы задумалась о собственном будущем!

Затем в ее руке мелькнул шприц. Евгения попыталась помешать акушерке сделать инъекцию, но та без труда всадила иглу куда-то в бедро. По телу Евгении побежали теплые волны. Мысли окончательно смешались, она словно провалилась в черную дыру. Только время от времени до нее долетали слова сатанинской песни, а также команды акушерки.

А затем резкая боль пронзила тело Евгении. Боль, которая с каждым мгновением не стихала, а, наоборот, усиливалась. Она закричала – и вдруг ощутила, что изо рта у нее не вырывается ни звука. Боль раздирала, глушила, давила. Сквозь красную пелену, заставшую глаза, Евгения видела, как акушерка извлекла что-то – *извлекла из нее!*

Да, она только что приняла у нее роды! Только все в этой ночной процедуре было нацелено на то, чтобы мать, подарившая ребенку жизнь, не увидела рассвета.

Акушерка осторожно передала новорожденного человеку в черном балахоне, одновременно перерезая при помощи кривого кинжала с рукояткой, покрытой странными письменами, пуповину. Евгения из последних сил приподняла голову, желая увидеть своего ребеночка. Это был сын, *ее сын...*

Человек в черном балахоне поднял ребенка – лица его женщина не видела, только темные волосики на затылке – над головой, потом с силой тряхнул, и тот вдруг пронзительно

закричал. Собравшиеся издали возглас изумления. А затем снова затянули свою страшную песню. Евгения видела, как человек в черном балахоне опустился на колени, держа ребенка – ее ребенка! – на вытянутых руках.

Они все, даже несносная акушерка Евдокия Романовна, поклонялись ему!

Боль немного отступила, Евгения мечтала только об одном – чтобы все как можно быстрее закончилось. Но она ни за что не хотела отдавать ребенка этим людям. Потому что они явно намеревались использовать его для своих ужасающих целей...

Она шевельнулась, тихо звякнув цепями, которыми была скована по рукам и ногам. Уже поднявшийся с колен субъект в черном балахоне кивнул, и ее окружили его подручные в белых плащах.

– Мой сын... Я хочу увидеть его...

Ее слова долетели и до типа, что вел церемонию. Он приблизился к ней и спросил глухим голосом:

– Ты хочешь видеть своего сына? Точнее, нашего... Того, кого ты подарила... *ему?*

Ему? Кого они имели в виду? Евгения уже догадывалась, кого именно, но упорно гнала от себя эту мысль. Нет, нет, нет! Она никому и ни за что не отдаст своего ребеночка! *Это ее сын, только ее!*

– Хочу! – прошептала она, и человек в черном произнес:

– Даже если его лицо будет последним из того, что ты увидишь в своей жизни?

Неспособная отвечать, Евгения только кивнула. Тип в черном расправил плечи, приблизился к ней – а потом повернул к ней ребенка, ее сыночка, лицом.

Евгения взглянула в его лицо – и закричала. Ужас, отчаяние и боль наполнили ее душу, а в голове билась только одна мысль – нет, *не может быть!*

Не может быть, что она произвела на свет *это*. Этого крошечного монстра, это миниатюрное чудовище!

А ребенок в этот момент запищал, и это послужило сигналом. Собравшиеся вокруг алтаря, на котором она покоилась, вскинули вверх руки – у каждого в кулаке был зажат кривой кинжал с покрытой старинными письменами рукояткой.

И затем они одновременно опустили их на несчастную Евгению – она же, не отрываясь, смотрела на лицо своего сына, которого держал в руках человек в черном.

Нет, это не был ее сын! *Это вообще был не человеческий ребенок*, ведь там, на лбу, под темными волосиками, у него пробивались... Нет, это были не бородавки и не родинки, а... *А рога!*

Как и у его истинного отца!

И все равно... Даже если так, она все равно любила это порождение тьмы ночной! Она была готова прижать его к себе, приглубить, дать ему грудь...

Но вместо этого ее грудь пронзили стальные клинки. Смерть была быстрой и практически безболезненной.

После того как Евгения умерла, субъект в черном вознес малыша к потолку склепа и прогудел:

– О Хозяин! Мы просим тебя принять этот дар! И явиться нам, явиться, явиться...

Сто лет спустя

Автомобиль подпрыгнул – и вдруг замер. Евгению сильно тряхнуло, и не будь она пристегнута ремнем безопасности, она бы наверняка ударилась головой о потолок.

Артем, что-то проворчав, выскочил из автомобиля. Над ним он трясся так, как будто заключил брачный союз именно с машиной, а не с Евгенией. Впрочем, пожаловаться на супруга Женья не могла – она прекрасно знала, что Артем без ума от нее. Как, впрочем, и она от него.